

Юлия Жукова

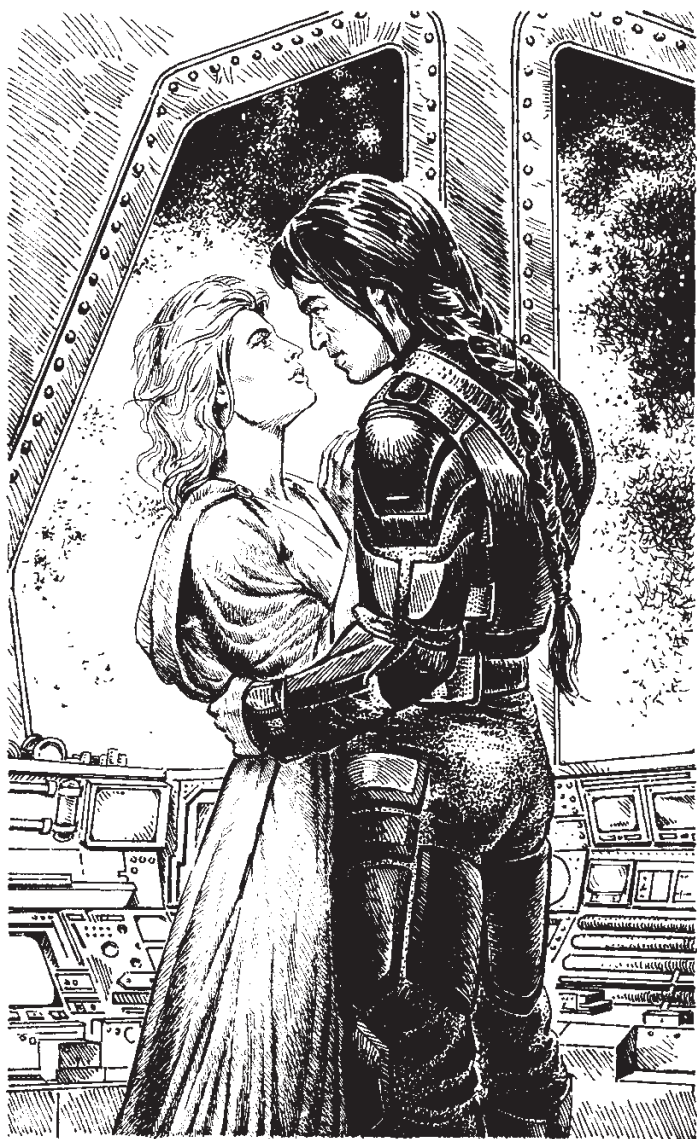
Замуж с осложнениями

Фантастика • Любовный роман • Юмор

Юлия Жукова

Юлия Жукова

Замуж с осложнениями

Фантастика • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2011
 ЭРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ГЛАВА 1

Работать в космосе я хотела почти с института, с тех пор как стала встречаться с одним пилотом. Очень уж неудобно получалось, когда он по два-три месяца не появлялся на Земле. А так была бы романтика: он пилотирует, я за санитарией слежу. Да и платят за пределами родной планеты в восемь раз больше за то же самое. Но пробиться, конечно, оказалось непросто даже по блату. Уже и запал схлынул, и пилотик мой сгинул, и вот наконец я вырвалась с родной планеты на вольный воздух, вернее, в вакуум (хотя зеленые последнее время ворчат, что мы так засорили космос воздухом, что скоро уже дышать можно будет).

Однако все у меня вечно не как у людей, а точнее, все как всегда — тут уж кому какая философия ближе. За три дня полета я успела перекидать в стенку столько туфель, что можно было записываться в сороконожки. Конечно, дело все во мне: всегда-то меня всякие мелкие несовершенства в окружающем мире раздражают. Кто угодно другой, наверное, принял бы как должное... Ну начальница противная, но не смертельно. Ну работа не такая, как мечталось, зато платят хорошо.

А вообще, за иллюминатором звезд тьма-тьмушая, если так можно выразиться. Солнышко далеко-о-о светит. Земли уже четыре дня как не видно. В стекло можно ткнуть пальцем, появится менюшка: выбирай объект, увеличивай, любуйся. Можно посмотреть, куда летим, хотя это еще через два Сфинктера (на всеобщем языке они Воротами называются, по функции, ну а наши, конечно, по внешнему сходству обозвали).

А летим на курорт. Несколько лет назад в той системе планетку нашли с очаровательными пляжами. Атмосфера —

Земля отдыхает, климат как на заказ. В общем, турфирмы, частично друг друга истребив, наперегонки бросились налаживать сообщение и теперь гоняют туда по два звездолета в день. Лететь долго, конечно, почти неделю — за это время можно и до Гарнета добраться, но там уже все застроено...

Так вот, начальница моя, госпожа Дюпон, канадка средней степени упитанности, ухитрилась выбить из Всемирного фонда до- и внешкольного образования какие-то средства, чтобы организовать на Кинине детский лагерь. А я у них подвизаюсь бортовым врачом. И везем мы первую партию детишек на двухмесячное пребывание.

На мой привередливый вкус с этой работой вообще все не так. Во-первых, меня зачем-то загнали в ассоциацию парамедиков, хотя я вовсе не парамедик, а хирург с международным сертификатом. Но беджик носить надо обязательно. Во-вторых, я впервые лечу на этот самый курорт вместе с детьми, хотя по идее в мои должностные обязанности входит проверка санитарного состояния лагеря до прибытия отдыхающих. Очевидно, кого-то жаба задушила меня отдельным рейсом посылать. В-третьих, помимо залечивания болячек у несовершеннолетней части населения корабля в мои функции почему-то входит полное обслуживание начальницы, типа принести-подать, записать в ежедневник, позвонить-написать, посчитать и поговорить. Я вообще-то не секретаршей нанималась. Однако успокаиваю себя тем, что все-таки лечу, наконец-то лечу. На вечер у меня остается только одна обязанность — принести мадам ее витамины. А после этого можно спокойно уткнуться в иллюминатор в предвкушении событий. Лететь уже не так много.

* * *

Мадам Дюпон вместе с главой Всемирного многопафосного сидят в уютной маленькой переговорной. Им туда уже кто-то принес кофе, и даже не я. Главу мне пока что только издали приходилось видеть, но смотреть там особо не на что. Мелкий мужичонка за пятьдесят, лысый, очки в палец толщиной, скрюченный как рождественский леденец.

— А-а, Лизонька, — приветствует меня Дюпониха. На всеобщем, конечно, так не скажешь, но с ее интонацией то-

лько уменьшительное и может получиться. — Познакомься с господином Квиггли.

Фиггли. Крабле-бумс.

То есть, да-да, очень приятно.

И, конечно, смотрим мы не на лицо, и даже не за декольте, а прям сразу под юбку. Кстати, среди прочих загадочных требований, предъявленных при устройстве на эту работу, был еще и дресс-код: юбка выше колена. Теперь понимаю зачем.

— Вот, — говорит мадам Дюпон, — наш бортовой медик, высококлассный специалист, обеспечивает безопасность детей.

— Да-да, — бормочет глава. — Да-да, обеспечивает, я вижу.

А он умнее, чем кажется. Все-таки, чтобы такой фонд возглавлять, надо в голове что-то иметь. И в то, что я специалист, он не поверил. Я бы и сама не поверила. А вот в то, что у меня венерических должно быть с полдюжины, я бы поверила легко. Ну хотя бы ноги мои ему понравились. И в любом случае раньше надо было смотреть, дядя. Не разворачивать же теперь звездолет.

— Спасибо, Лизонька, можешь идти.

Ура, бегу.

За спиной слышу, Квиггли ворчит:

— Я вообще-то говорил о другого рода безопасности. Мы ведь недалеко от Гарнета, не боитесь неприятных встреч? Джингоши, муданжцы... не самое благополучное окружение...

На этой оптимистической ноте я перестаю его слышать.

Из мемуаров Хотон-хон

Хорошо известно, что по статистике этот регион — третий во Вселенной по терактам. Однако от солидной фирмы стоило ожидать безопасности на уровне. С другой стороны, с учетом их кадровой политики, можно было предположить, что и другие организационные моменты отразились больше на бумаге, чем на деле. Но человек склонен полагаться на счастливый случай.

Возвращаюсь к себе, бодро размахивая подносом. Мадам на сегодня оставила меня в покое, так что я уже предвкушаю, как поставлю чайку, включу себе сериальчик да вязанье достану, и тут нас хорошенько встряхивает.

Я сначала подумала, что это меня шатает от какого-нибудь перепада. Новичок в космосе либо всего боится, либо на все плюет, дескать, чего тут только не бывает. Я, правда, в детстве летала и ничего такого не припомню. Хватаюсь за стенку. До Сфинктера вроде бы еще полдня лететь, а на перегонах так трясти не должно. Корабль швыряет в другую сторону, теряю стенку и поднос. В такие моменты понимаешь выражение «пол ушел из-под ног». Как бы я прекрасно обошлась без этого знания! Прикусывать язык мне совсем не понравилось. А в следующий момент мой собственный поднос вмазывается мне же в висок.

Свет меркнет. Сначала думала, что сотрясение, но нет, не так меня сильно шандарахнуло. Включается аварийный. Да только хозяева опять пожадничали: за углом загорелся, а вокруг меня нет. Кстати, мне всегда было интересно: аварийный свет делают красным специально, чтобы было страшнее переживать аварию? Собираюсь соскрестись с пола и пойти в каюту, пристегнуться, ругаюсь, что по громкой связи не поступает никаких инструкций.

Но встать не успеваю — в проходе появляется тень. С красной подсветкой выглядит жутковато. Хоть бы шприц с собой был с чем-нибудь седативным... Тень обретает плоть, много плоти, и вот уже надо мной возвышается громада...

Первая мысль — на борту у нас такого человека нет.

Вторая — у него в руках нечто огнестрельное, а за спиной еще одно. Чтоб Квиггли сдох со своими опасениями!

Дальше думалка отключается, остается только головная боль.

— Где кто-нибудь из начальства? — спрашивает оно... это... пришлое.

— Дверь в конце коридора. Код 551.

Еще не хватало мне за этих раздолбаев заступаться. Нет, со мной что, правда случилось что-то из того, о чем в новостях рассказывают? Врач с Земли в заложниках у...

Вжавшись в стенку, исподтишка провожаю взглядом группу невероятно высоких мужиков, топающих в сторону переговорной. Надо уже включать думалку. Запомнить их в лицо, что ли. Да хоть понять, кто они такие! Может, на сделку пойдут...

Дверь отъезжает в сторону, раздается растерянное: «Ой, кто это?» — Дюпонихи и какой-то хрип со стороны Квиогли. Пришельцы ведут себя тихо. В аварийном свете, льющемся из переговорной, на рукаве у одного блестит значок: строчная «m» с хвостиком-стрелочкой, как зодиакальный скорпион.

Муданг.

Я беззвучно выдыхаю. Чувство такое, как на экзамене, когда вытягиваешь билет, на который угрохала втрое больше времени, чем на прочие, потому что нигде не могла найти, что на него отвечать. Вроде с чистой совестью можешь сказать, что учил, и пару-тройку умных дядей процитировать, а толку...

Из мемуаров Хотон-хон

Про эту планету с неблагозвучным названием известно много. Например, что муданжцы — самые умные, хитрые и опасные наемники во Вселенной. Или что они очень крупные и сильные, но это выясняется с первого взгляда. Известно, когда и как они попали на свой Муданг, а вот по генному эти люди — помесь индейцев с монголами. Еще известно, что у них в языке отсутствует слово «любовь». Сам язык преподается на Земле в космических колледжах, где два года положено повышать квалификацию всем, кто хочет работать в космосе. Программа столичного колледжа включает обязательный курс малого инопланетного языка по выбору; ходили слухи, что преподаватель по муданжскому ставит зачет всем без разбора. При таком раскладе, конечно, запоминается не очень много.

* * *

Слева пару раз полыхает с тихим шорохом. Это они расстреляли переговорники. Надеюсь, что так, потому что мне очень не хочется, чтобы расстреливали людей. Я тоже смот-

рела веселые боевики про космос и знаю, что любой урод может оказаться ключом к спасению всей команды...

Из переговорной выходит самый высокий мударжец и направляется ко мне. Я наконец-то встаю и даже вооружаюсь подносом, хотя ежу ясно, что этот мужик меня может волоском перешибить и не заметить. Когда он подходит совсем близко, понимаю, что можно было и не вставать — с высоты его роста сажу я или стою, неважно.

— Юная леди, всем будет удобнее, если вы примкнете к своим землякам в той комнате, — говорит он спокойным глубоким голосом.

И это террорист? Он бы еще реверанс сделал! Нет, по мне, конечно, лучше так, чем руки заламывать! Но что-то как-то неправдоподобно... Может, это какая-то ошибка? Да и хотела бы я знать, прибили они мою сладкую парочку или нет? Как-то мне не хочется в эту комнату...

Я нервно зыркаю в сторону переговорной и поворачиваюсь к пришельцу. Не знаю, какой средневековый знахарь лечил ему ожоги на лице, но я бы этому лекару руки пообрывала, ибо все равно не в том месте росли... Может, предложить мударжцу помощь? Но шрамы старые, я ничего не смогу сделать. И вот тогда мне точно финдец. Как же отмазаться?! Ма-а-а-мочка-а-а... дети... о!

— Я бы с удовольствием, — начинаю намного более уверенным голосом, чем от самой себя ожидала, — но обязана быть рядом с детьми. А сюда только на минутку зашла... Понимаете, я врач. Если кому-то из них станет плохо, то это вам же создаст лишние трудности. Вам ведь они нужны... — Я утихаю в страхе что-нибудь ляпнуть.

— Живыми, да, — договаривает террорист за меня. Лапочка моя, ну, давай... — Значит, вы умеете лечить?

— Да, да! — Я энергично киваю. Хорошо, что он так хорошо говорит на всеобщем. С легким таким акцентом, как будто нарочно заставляет этот вялый язык звучать четко.

— *Женщина?* — с недоверием переспрашивает другой подошедший мударжец на своем родном.

Я еще что-то помню по-мударжски... А что им не понравилось?!

— *Старый Угун говорил: «От землян жди неожиданно-*

стей», — отвечает ему мой собеседник и снова поворачивается ко мне. — Мне это нравится. Идите к детям. Алтонгирел вас проводит.

Это имя, осознаю я.

Алтонгирелу эта идея, впрочем, не особо нравится.

— Азамат, да она же просто вы...выаается!

Чего я делаю, я не поняла. Слова этого не знаю...

— Ну и пусть вы...выаается. Если ей с детьми спокойнее, пусть сидит с детьми, под ногами мешаться не будет. И нам не придется человека на охрану тратить.

Алтон... э-э-э... гирел не находит, что на это возразить, и велит мне отправляться к детишкам, а сам плетется следом. Он вряд ли знает, куда идти, но пользоваться этим мне незачем. Если меня посадят с детьми, которые им нужны живыми, сами же сказали, то я буду вроде как при деле. Может, еще и не убьют. Может, им за меня выкуп дадут...

Детей согнали вместе, и вой стоит оглушительный. Алтонгирел объясняет двум парням на входе в «детскую», кто я такая, сопроводив мое резюме парой непонятных эпитетов в адрес Азамата. Парни присоединяют к имени Азамата какое-то слово (ахмад, что ли, как царевич?), которое явно означает, что он тут главный. Меня весьма обнадеживает мысль, что мое предложение понравилось капитану.

Дети все-таки удивительные существа. Своих у меня нет, но я как-никак уже пять лет практикую, да и в студенчестве нянькой подрабатывала. Стоит на секунду отвернуться, как они умудряются получить по несколько травм разных степеней тяжести в совершенно безопасном окружении! Синяки я даже осматривать не стала, тут можно с уверенностью сказать, что они есть у всех и во множестве, хотя у детской мебели на борту вообще нет углов и твердых граней. Видимо, надо было стены войлоком обить. Попалась пара расквашенных носов — упали на бегу. Еще несколько носов кровоточат на нервной почве. Почти все режут, трут глаза грязными руками... в общем, бедлам. Но зато я — полезный член общества. Может быть, мне поставят памятник на детской площадке около дома. Мне крупно повезло, что шкафчик с медикаментами именно в этой комнате, а то пришлось бы объясняться с мрачными парнями на входе.

Когда потребность в неотложной помощи временно иссякает, я завариваю всем, включая себя, успокоительного чайку и наконец позволяю себе расслабиться. Младшие отрубаются на диване и на мне, старшие собираются кучками по углам, понимают, что я им больше ничем помочь не могу. Я приспосабливаюсь гладить каждой рукой по три головы одновременно, чем вызываю уважительные взгляды охранников.

Видимо, поверили, что я и правда врач.

Охранники оба пониже капитана, но тоже под два метра. Один стриженный почти под ноль в отличие от прочих муданжцев, которых я успела рассмотреть. И капитан, и Алтон-ги... рел (вспомнила!), и второй охранник могут похвастаться прекрасными черными гривами.

Зажигается свет. Я подскакиваю, ненарочно бужу нескольких детей. Те, которые не спали, тоже напрягаются. Несколько минут мы все ждем, что что-то вот-вот случится, но оно не случается. Наконец появляются еще несколько муданжцев с матрацами и пледами. С ума сойти, какой сервис! Все-таки что-то не так с этими террористами. Какое-то время все стелются, постепенно расслабляются, и я даже ухитрюсь проспать эту ночь — впрок, мало ли что.

Следующий день тянется и не кончается. В космосе принято менять освещение и пейзажи в декоративных окнах в соответствии с земными сутками, по Гринвичу. Считается, что так людям легче подолгу летать. Поскольку у меня обычно дежурства сутки через двое, мне эта смена дня и ночи глубоко безразлична, солнца я и на Земле не замечая. Зато сегодня выучила все варианты освещения Фудзиямы, электронная фотография которой висит ровно напротив моего дивана.

Нас кормят сухим пайком три раза, чай можно сделать прямо в комнате. Три ванн/туалета, совмещенных по идиотскому европейскому стандарту, обеспечивают комфорт и чистоту. Днем двое муданжцев под предводительством Алтонгирела принесли мои и детские вещи, так что можно и переодеться, и заняться хоть чем-нибудь. Книжки там почитать, в игрушки поиграть... но никто не читает и не

играет, как я их ни уговариваю: все слишком нервничают. Так что я достаю вязанье, демонстративно усаживаюсь с ним посреди комнаты и пытаюсь подать пример. И подаю, часов шесть с перерывом на ужин. Не добиваюсь этим ничего, кроме того, что охранники меня начинают еще больше уважать. Ну тоже неплохо.

Вечером хожу от ребенка к ребенку, поправляю одеяла и уверенно бормочу, что всех нас вернут домой в целостности и сохранности. Присаживаюсь около маленькой девочки, которая уже спит, потом прислоняюсь к стене и больше не пытаюсь заставить работать раскисший от скуки мозг.

— *Этого не было в договоре*, — доносится до меня раскатистый голос капитана из холла напротив нашего.

Я настораживаюсь: вот только еще ссоры наемников с работодателем мне не хватало.

— *А чего ты хотел? Это же джингоши!* — раздраженно отвечает ему Алтонгирел. Нетбук пищит, соединяясь.

— *Соччо, я тебя внимательно слушаю.*

Азамат, очевидно, звонит нанимателю. Так это что же, эти наемники работают на других? Джингоши ведь тоже наемники... ничего не понимаю.

— *Азамат, как всегда хорошего из себя строишь?* — слышится скрипучий голос заказчика. — *Земляне не верят, что детки у нас. Доказательств требуют. Если хочешь получить деньги за эту работу, дай мне доказательство. У тебя их там за сорок! Давай, напугай Земное сообщество.*

— *Я не убиваю заложников*, — отрезает Азамат. — *И в договоре так было прописано, иначе я бы не согласился на это дело. Мы можем прислать им видео, но не труп.*

— *А как насчет ушей? Или пальчиков? Нас не воспримут всерьез!*

— *Соччо, я сказал — нет*, — заключает Азамат спокойно.

— *Значит, деньги тебе не нужны. И репутация не дорога?..*

Что они говорят дальше, я не слышу, потому что крадусь к иллюминатору. Мне показалось, что за ним маячит какой-то корабль. И точно, вот он, красавец. Увеличиваю изображение и вижу два скрещенных полумесяца — знак джингоши. Корабль, похожий на черепаху, бурый и грубо-

вато сработанный, медленно вращается среди звезд. Ну и что с нами теперь будет? По крайней мере, муданжцы нас не убьют. Но вот перспектива вернуться к цивилизации отдалается...

На всякий случай решаю собрать вещи. Мало ли, еще погонят сейчас куда-нибудь. Стягиваю со своего матраса наматрасник и сгребаю в него все лекарства из шкафчика заодно с портативным диагностическим сканером и прочими капельницами. Потом распахиваю разбросанные детские вещи по сумкам, которые отдали днем. Джингошский корабль в иллюминаторе как будто изменил конфигурацию, стал круглее. За дверью слышится топот. Я тихонько стучу в нее, чтобы узнать у охранников, не надо ли будить детей. Никто не отвечает, и я дергаю ручку. Оказывается — открыто. Они нас даже не заперли? Супер!

Охранников нет. Отчетливо осознавая, что поступаю очень неправильно, иду по коридору до угла. Никого. Господи, ну не бросят же они нас на произвол судьбы этим джингошам! Неужели не ясно, что те всех перережут?! Или Азамат просто хочет, чтобы на *его* репутации это не сказало, а так ему на нас плевать?

Внезапно из-за угла выскакивает Алтонгирел. Понимая, что спалилась, прямо спрашиваю:

— Что проис...

— Отвали! — следует краткий ответ, и он чешет дальше на хорошей скорости.

Вот так вот. Пленница разгуливает по кораблю, но все так плохо, что захватчику не до этого. Черт, что же делать?!

Не придумав ничего лучшего, кидаюсь за муданжцем. Может, у них еще какие-то проблемы и они про нас забыли? Очень уж страшно оставаться в неведении.

Иду на топот ног впереди по коридору, звуки приводят меня в среднюю часть корабля между двумя выходами. Ворота плотно закрыты, а вот один из иллюминаторов в потолке аккуратно вырезан, и к нему присосалась герметичная труба с лестницей, по которой, очевидно, можно попасть на муданжский корабль. Его яркое брюхо виднеется через соседние иллюминаторы: подобно гигантскому жуку он сидит

на звездолете, обхватив длинными суставчатыми лапками нашу «гантелю» за перемычку посередине.

Муданжские корабли все похожи на насекомых, нам их в колледже показывали. Этот по идее должен вмещать до ста человек. Муданжцы группами больше чем по пятнадцать — двадцать не летают. Нас сорок семь детей и я. Ну ладно, допустим, есть путь к отступлению. Дышать становится легче.

Я возвращаюсь в детскую без приключений. Пару раз через переборки слышу какую-то невнятную ругань, но навстречу мне никто не попадает. Гляжу в иллюминатор. Джингошский корабль продолжает трансформироваться. Теперь у него вырос блестящий хвост, которым он постепенно поворачивается к нам. Стоять, ребята. Это же ствол.

— ПАДЪЕО-О-О-О-М! — реву сиреной, не успев даже подумать, что делать дальше.

Дети подскакивают, никому даже в голову не приходит попросить еще пять минуточек. Еле вспоминаю про свой мешок с лекарствами, отряжаю старших идти вперед и слушать мою команду и гоню свое стадо на выход. Пульсация в висках успешно подавляется уговорами: я — главная героиня веселого боевика с хеппи-эндом, так что у меня все будет отлично.

Мы проносимся до лестницы за считанные секунды — так все перепугались моих истошных воплей. У лестницы возникает затор, младших приходится передавать на руках, но мы успеваем. Я влезая последней, и тут люк с издевательским шипением закрывается. Ноги у меня не подкашиваются только потому, что падать некуда — везде несчастные дети!

— Ребят, — снова прибегаю к помощи моих старших, — ищите открытые двери, загоняйте всех по каютам. Хоть помногу, но чтобы без пробок в коридоре.

Каюты, впрочем, оказываются запертыми, зато в одном из отнорков мои шустрые подростки находят некое подобие гостиной, куда мы всех и загоняем. В гостиной теплый, приглашенный свет и на удивление уютно.

— Ну вот и знакомая обстановка, — говорит кто-то из детей. — Тоже диваны и журнальные столики.

Что ж, по крайней мере, муданжцы не пренебрегают комфортом.

Тут нас подбрасывает, и в иллюминаторах становится неожиданно светло. Я чувствую в голове приятную ватную легкость и вспоминаю какие-то школьные стихи про малый сабантуй. В коридоре, по которому мы пришли, раздаются дикие вопли, что-то совершенно первобытно-звериное, потом все стихает.

Я обнаруживаю, что лихорадочно прижимаю к груди свой мешок с таблетками, расслабляюсь, прохожусь по рядам, осматривая отдавленные ноги и прикушенные языки. Ничего неотложного, отделались легким испугом. Где бы тут у этих инопланетян чай заварить? Опасность-то миновала, так я же сейчас разрыдаюсь, а детям это видеть бесполезно — и так половина хнычет. И туалет бы найти не мешало...

Слева снова доносятся голоса и шаги, на сей раз вполне человеческие. Все опять напрягаются, ожидая, что будет дальше.

Дальше все идет, как в драматическом театре. Азамат и Алтонгирел входят в гостиную, не особо глядя по сторонам, и застывают как вкопанные. Я решаю не вставать, потому что не доверяю своим ногам, но встречаю изумленный взгляд нашего капитана. Мне только мерещится эта романтическая бледность? И кто ж ему все-таки рожу так раскроил?

Оправляется он довольно быстро:

— Это все?

Я киваю.

— Что ж, замечательно.

Он подходит и садится рядом со мной на диван.

— Простите.

Я изо всех сил стараюсь не выдать удивления. Если он считает нужным извиниться, я не буду его разубеждать! Но что, черт возьми, происходит?!

Из мемуаров Хотон-хон

Джингоши — тоже инопланетные наемники, но их принцип — «сила есть — ума не надо». Они берут количеством и агрессивностью, не особенно заморачиваясь со стратегией.

Два века назад джингошский император Микан захватил Муданг, о чем на Земле, как всегда, ничего не знали. С тех пор и вплоть до недавних событий муданжцы были вынуждены скрепя сердце подчиняться корыстному и жестокому джингошскому наместнику Куре. На наемников это, правда, не распространялось. Они — люди без родины.

Поэтому у Азамата не было особых причин беспреклословно подчиняться Соччо, капитану джингошского корабля, с которым они заключили договор. Дело в том, что муданжцы в совершенстве умеют прятаться в космосе. Их корабль невозможно заметить ни простым глазом, ни земными приборами до того самого момента, когда он внезапно обхватывает ваш звездолет своими членистыми лапками и забирает себе под контроль. Джингоши не способны к таким хитростям, их огромные неповоротливые корабли обычно сильно освещены и заметны издали, зато совершенно неприступны для реальных и виртуальных атак. Поэтому муданжцы и джингоши часто проводят совместные операции, используя сильные стороны обеих команд с максимальной выгодой. Муданжцы тихо умыкают корабль, а джингоши на своем бронебойном космическом танке летят выставлять требования.

Однако в тот день Соччо не собирался работать за деньги. Последние годы его стал раздражать авторитет Азамата среди других муданжских наемников, которые обычно недолголюбивают конкурентов, пусть даже и земляков. Выдвижение харизматичного лидера могло привести к централизации всего промысла, а это означало бы для Соччо гораздо менее привлекательные условия работы. Поэтому он решил подложить Азамату свинью — вынудить его убить нескольких заложников. Азамат славился чистыми руками — дескать, ему было доступно высокое искусство вести боевые действия без потерь с обеих сторон. Но на этот раз он просчитался: был уверен, что у Соччо нет возможности им управлять, оба корабля — муданжский и захваченный — надежно защищены и скрыты от глаз. Однако Соччо хорошо спланировал это дело. Он где-то раздобыл исключительно одаренного хакера, который смог, хотя бы и всего на неско-

лько минут, дистанционно захватить управление мударжским кораблем.

Джингошские корабли известны своей медлительностью. Чтобы выдвинуть ствол для обстрела, им может понадобиться от десяти до пятнадцати минут. За это время мударжцы успели бы вывести всех с захваченного корабля на свой и раствориться в ближайшей туманности, как они это прекрасно умеют делать. Но хакер Соччо захлопнул люк, ведущий на земной звездолет, и заблокировал управление кораблем. Соччо успел взорвать добычу. Все оставшиеся на земном корабле, а именно: команда, персонал турфирмы и двое мударжцев, погибли. Соччо праздновал победу, глядя, как позорно улепetyвает мударжский корабль, унося в брюхе сорок семь детей и одну паникершу...

* * *

— ...смог перехватить дистанционное управление звездолетом, поэтому когда мы поняли, что он собирается взорвать захваченный корабль, то элементарно не смогли открыть люк, чтобы забрать людей. — Капитан разводит руками.

Ах вот чего они так выли.

— Кто-то из ваших людей...

— Да, двое.

— Мне очень жаль.

Он глядит на меня с легким недоверием, но кивает.

— Мне тоже.

Все замолкают. Даже дети боятся шушукаться. Вообще, зря он все при детях рассказал, зачем их пугать... Хотя... если бы мне было двенадцать, я бы тоже очень хотела знать, что случилось.

Однако неожиданно оказаться невиноватым в смерти сорока семи детей — это тоже малый сабантуй. Так что дорогой капитан мне кое-чем обязан.

Капитан задумался о своем достаточно глубоко для того, чтобы я набралась наглости разглядеть его получше, хотя бы и в тусклом свете. Несмотря на жуткие шрамы, лицо у него приятное. Он действительно похож одновременно на

индейца и бурята, при общем смуглом цвете кожи. Черные волосы заплетены в тугую косу толщиной в две моих руки и длиной в три. Огромные ладони обожжены так же, как и лицо, если не хуже. Это ж надо было ухитриться...

Одет он неожиданно обычно: невнятно-темная водолазка, куртка из модной псевдокожи, такие же штаны. Ни кольца в носу, ни золотых цепей до пупа. Так и не скажешь, что варвар-наемник.

— Что мы с ними будем делать? — спрашивает всеми забытый Алтонгирел, прерывая нашу с капитаном минуту молчания.

— Звонить на Землю и отдавать, — спокойно отвечает Азамат.

— За бесплатно? — уныло тянет Алтонгирел.

— Они дадут нам вознаграждение, — заверяет капитан. Похоже, ему не впервой возвращать чужих заложников. — Разгони их по каютам и накорми.

— И туалет покажите, — хмыкаю я.

Алтонгирел закатывает глаза.

— Пусть ими Гонд занимается, да и вообще, они самостоятельные!

— Друг мой, при гостях невежливо говорить на языке, которого они не понимают, — доносится до нас голос капитана из коридора.

ГЛАВА 2

Гондом оказывается стриженный охранник. Мы с ним довольно быстро раскидываем детей по каютам по половому признаку (раздельно) и возрастному (один к одному). Потом я им (и себе) вставляю по горсточке успокоительного (в аптечках детских организаций всегда такие слабые препараты, что, пока две пластинки не съешь, не поможет), и скоро все дрыхнут без задних ног.

Меня все еще живо интересует наша дальнейшая судьба, так что спрашиваю у Гонда, не будет ли невыразимой наглостью с моей стороны разыскать капитана и спросить, о чем он договорился с Землей.

Гонд слегка приподнимает брови:

— Вы можете поговорить об этом с Алтонгирелом.
— А с капитаном нельзя? — Я стараюсь не очень настаивать, впрочем, Алтонгирел, по-моему, устал от меня еще до моего появления.

Брови Гонда ползут еще выше.

— Ну если хотите, то можно и с капитаном...

Так говорит, как будто я собралась пообниматься с особо злобной собакой.

— Вы мне не советуете к нему сейчас подходить?

— Да нет, почему, он будет рад.

Я пожимаю плечами. Видимо, слишком устала, чтобы адекватно воспринимать действительность. К черту Алтонгирела, еще скажу ему случайно что-нибудь неласковое.

Капитан обнаруживается в той самой гостиной, где располагалась наша временная база. С ним еще двое полузнакомых мужчин. Они пьют какую-то бледную жижу из пластиковых пиал, расслабляясь после трудного дня. Ну или погибших поминают, кто их знает.

— Азамат-ахмад, — говорю я, стараясь проявить всю почтительность, на какую способна. Чего они на меня так тарачатся? Что я, за два дня не могла просечь, как к капитану обращаться надо?

— Я вас слушаю, юная леди, — отвечает капитан, двое других начинают хихикать.

Ну и что я не так сказала? Это обращение принято только между мужчинами, что ли? Вот вечно мне надо выпендриться... ладно, плевать.

— Я хотела спросить, удалось ли вам связаться с Землей.

Ближайший ко мне муданжец, помоложе капитана и своего соратника, фыркает и зажимает себе рот.

— Спрашивайте, — благосклонно кивает капитан.

Нет, я не покраснею, и не надеюсь.

— Удалось ли вам связаться с Землей? — железобетонным голосом повторяю я. Ох уж мне эти мужские компании...

— Удалось, — отвечает капитан, поглядывая на меня со смешинкой в глазах. Правый уголок рта у него так сильно поврежден, что он как будто все время ухмыляется. Жуть с ружьем. — Стыковка с земным кораблем состоится после-

завтра вечером, ориентировочно в восемь тридцать по Земле.

— Так скоро? — удивляюсь я. Мы же пять дней летели!

— Ну у вас пассажирский звездолет, большой. А мы быстро бегаем. — Он ставит свою пиалу на стол, берет чистую и наливает в нее из такого же пластикового кувшина все той же бледной жижи. Протягивает мне.

Нет, я, конечно, убедила себя не удивляться, что космические террористы со мной обращаются так, будто я их королева, но тут уже усталость сказывается: я совершенно неприлично тарашусь на капитана.

Он делает вид, что не заметил, и ставит пиалу на стол. Я подвигаю ближайшее кресло (кстати, при всей их галантности, присесть мне никто не предложил), сажусь и беру пиалу. Невежливо, наверное, от угощения отказываться, тем более если сам капитан наливает. Отхлебываю. Оказывается, какой-то травяной чай.

Только выпив половину, осознаю, что это вполне может быть седативным или афродизиак (или два в одном, ага), и то, что я не опознаю его на вкус, ничего не доказывает — мало ли что у них на Муданге растет. Вот дура. Это же надо так попасться. Да еще и на корабле с дюжиной инопланетных мужиков. Ни фига себе я доверчивая.

Повисшее молчание надо как-то прервать, но у меня в голове только два варианта: поблагодарить за угощение или спросить, что они мне туда подсыпали. Второе невежливо, так что выбираю первое.

— Спасибо.

Капитан моргает, как будто не понимает, к чему это относится. Краем глаза замечаю, что двое других переглядываются. Мне становится страшно.

— Что вы тут делали, так далеко от Земли? — внезапно спрашивает капитан.

— Э, ну... — Голос не слушается, приходится кашлянуть. — Мы летели на курорт.

Как-то это жалко звучит. Несчастно даже.

— Курорт? Здесь? — перебивает молодой муданжец.

— На Кинине, что ли? — переспрашивает второй.

Киваю.

— Боюсь, что там теперь курорта не выйдет, — хмыкает Азамат. — По дальнюю сторону орбиты отстроили новые Ворота, чтобы обходить Гарнет и не платить за транзит. Так что теперь тут будет оживленно.

Ох, ну ни фиги себе. Почему же у нас об этом ничего не знают?!

Капитан, очевидно, замечает мою вытянувшуюся физиономию.

— Джингоши обычно все выбалтывают в считанные дни, но, видимо, на этот раз им удалось помолчать подольше. Но мне все равно придется рассказать о Воротах, когда мы вас будем передавать на земной корабль, так что не волнуйтесь.

Лапочка ты мой, предупредительный. Я даже испугаться не успела.

— Идите спать, — говорит он мне как-то по-отечески. — А то сейчас заснете тут, а моим ребятам много чести будет вас на руках носить, юная леди.

Ну, ладно, всеобщий ему не родной, мог и ошибиться, кому это будет много чести. Но это обращение... Да ведь он же не знает, как меня зовут!

— Мое имя Лиза, — говорю, вставая.

Снова на меня пялятся все трое. Ну а с именем-то что не так?!

— Азамат, — говорит капитан. Как будто я и так не знаю.

— Тирбиш, — представляется молодой муданжец, сидящий около меня.

А третий молчит. Ну ладно...

Я желаю всем спокойной ночи и иду прочь, но уже на выходе слышу, как этот третий шипит Тирбишу по-муданжски:

— *Ты зачем назвался?!*

— *Мое имя, кому хочу, тому говорю! Капитан тоже назвался.*

— *У капитана выхода не было, она ему сама представилась.*

— *Ахамба, оставь его в покое.* — Это уже Азамат вклинивается. Ага, значит, Ахамба... — *Как будто ты в молодости красивым девушкам имя не раздавал. Да и вряд ли она умеет...*

Чего я вряд ли умею, я не поняла. У них что, имя как номер телефона, незнакомым не дают? Ужас какой. И что, я капитана вынудила представиться? Господи, да за что ж мне эти дикари?..

Не знаю уж, как должен был подействовать на меня этот их чай, но не подействовал никак. Заваливаюсь спать без задних ног, едва доплетаясь до своей каюты, и никакие неразрешенные загадки мне не мешают. Чтоб я дома так спала, честное слово!

Утро начинается с приключений. Встаю, напяливаю какие-то шмотки, которые не глядя сгрэбла в мешок с лекарствами, выхожу в коридор, чтобы получить у кого-нибудь инструкции, какие порядки тут с завтраком. То есть я его готовить должна или у них какой-нибудь сухой паек предусмотрен? Иду в гостиную (которая, конечно, должна называться кают-компанией, но я блондинка, мне можно). За один поворот дотуда мне попадается навстречу Алтонгирел. Замечает меня, подходит так вальяжно, опирается на стенку над моей головой, зажимает меня в угол.

Ну все, думаю, кранты. До чего же рожа противная. Вроде ничего особенного, длинное такое лицо, нос с горбинкой, большие губы. Но выражение собственного превосходства над миром такое, что аж тошно. Готова на любые извращения, только бы целоваться не полез.

— Иди, — говорит, — детей своих корми.

Смаргиваю.

— Чем?

— Там на кухне все готово, а у нас есть дела поважнее, чем их из кают выгонять.

— Хорошо, — отвечаю, — а где кухня?

Закатывает глаза. Он это любит делать.

— Пошли покажу, — говорит так, как будто уже в пятнадцатый раз показывает.

Какие они разные, эти наемники. Только давайте там правда будет кухня, а не его спальня...

Мои мольбы услышаны, это кухня, а точнее, целая столовая. Меня представляют огромному печному горшку с горя-

чим чем-то. Похоже на рагу, но поди ж его разбери. Пахнет вкусно.

— Дальше разберешься? — снисходительно, как слабоумную, спрашивает Алтонгирел.

Он мне очень не нравится. Но не все же коту масленица, правда?

Киваю.

К счастью, почти все мои дети при вчерашней эвакуации успели похватать сумки, так что им нашлось во что переодеться и даже чем почистить зубы. А я вот очень страдаю по утраченной расческе, не говоря уже обо всяких пемзочках-мочалочках.

Детей не приходится приглашать на завтрак дважды, и тюрю из горшка, оказавшуюся и правда мясным рагу, они лопают с энтузиазмом. Кажется, некоторые из ребят — вегетарианцы, но я и в нормальных-то условиях им не очень почитаю, а уж тут кушают как миленькие. Правда, чье это мясо, не знаю.

Дальше мои дети чинно сгружают тарелки в посудомойку (ну не я же за всеми буду убирать, правда?) и отправляются обратно по каютам. Вернее, это я так думаю. До сих пор они так хорошо себя вели, что я прямо расслабилась.

Однако когда через четверть часа я покидаю столовую с намерением тихо посидеть повязать, внезапно обнаруживаю, что по кораблю носятся с топотом и визгом два десятка молокососов, а кто постарше пытаются пробраться на капитанский мостик, поглазеть, как управляется настоящий наемничий корабль. Гомон стоит дикий, и я в ужасе представляю себе, что мне сейчас скажет Алтонгирел (почему-то именно от него мне кажется наиболее вероятным получить взбучку).

Я кидаюсь собирать своих подопечных и еще через полчаса более-менее стгоняю их всех в ту же гостиную. Но они по-прежнему буянят, стоят на голове, скачут по диванам и норовят разбежаться, стоит мне отвернуться. Расходиться по каютам дети отказываются решительно. Ох уж мне это гуманное воспитание!

Ну я как чуяла, что без Алтонгирела не обойдется! Вот он, красавец, стоит в дверях и с отвращением на всех нас смотрит. Может, этих мелких паразитов хоть его рожа проймет?

Не проняла.

— Здрасьте! — радостно здороваются дети.

— А у вас куртка форменная? — с места в карьер спрашивает один мальчик.

— Продадите? — тут же подхватывает другой.

Я хватаюсь за голову.

— Приструни своих молокососов, — цедит Алтонгирел.

Да я бы с удовольствием, цыпочка.

— Пытаюсь.

— Я сказал, не пытайся, а приструни!

Ах ты гад!

— Если б могла, давно бы уже так и сделала. — Стараюсь сдерживаться. Все-таки мы от них зависим.

Кажется, он осознает, что я бессильна (и это, конечно, роняет мой авторитет в его глазах ниже нуля) и решает попробовать свои силы.

— А ну быстро все по каютам!!!

Эти мелкие гады ржут. Я начинаю бояться. Только в открытый космос не вышвыривай, дядя.

— Ребят, — говорю, — это не смешно. Щас придет капитан и выкинет всех вас за борт, и меня тоже. Тут вам не школа. Нам вообще большую милость оказывают, что домой vezут.

Ну человек десять старших слегка посерьезнели. Но это даже не четверть. Остальные принялись шептаться. Я улавливаю реплики: «Настоящий капитан!», «А за бортом очень холодно?», «Меня мама не пустит» — и еще что-то столь же разумное. Господи, да что же делать-то? Ну не умею я с детьми обращаться, когда их так много!

Алтонгирел кривится и выходит из гостиной. Я уже достаточно себя накрутила, чтобы подумать, что он и правда сейчас на нас доносить пойдет. Кидаюсь за ним.

— Послушайте, ну они же не виноваты! Они маленькие, глупые, никогда не были в такой ситуации. У многих это вообще первый полет без родителей!

— А почему меня это должно волновать? — бросает мударанец через плечо.

Кажется, я сейчас заплачу. Кстатi, может, так и сделать? На мужиков это иногда действует. Набираю в легкие побольше воздуха, преисполняюсь жалости к себе — и...

— Ну почему вы такой жесто-о-окий?! — Хороший рев вышел, еще и от стен отрикошетило.

Он замирает и оборачивается, как будто увидел привидение. Что, так страшна? Нет, я знаю, что у меня все лицо краснеет, когда плачу, но чтобы так напугать...

Стоим, пялимся друг на друга в полутемном коридоре, я озадаченно всхлипываю, он губами шевелит... и тут между нами распахивается дверь.

Оказывается, мы устроили всю эту пантомиму ровнехонько у каюты капитана. И он, конечно, вышел посмотреть, что тут за шум. Ох, что сейчас будет...

Азамат первым видит обалдевшего Алтонгирела, потом меня с мокрой красной физиономией. Ну вот, и его тоже напугала. Поворачивается снова к моему обидчику, лица его не вижу, но тот отступает на шаг.

— *Я ничего...* — начинает Алтонгирел неровным голосом, глядя снизу вверх на возвышающегося над ним капитана. Этот человек умеет робеть?! — *Я только... там эти дети очень шумят, я только попросил их... ну, по каютам... Я даже не сказал ничего!*

Азамат снова смотрит на меня, я поспешно вытираю слезы. Если Алтону из-за меня влетит, он же меня потом со свету сживет!

— Я... просто... перенервничала, — мямлю. — Извините.

Кто ж их знал, что они такую трагедию из-за меня устроят? Они тут вообще женщин не видят, что ли? Или, может, на Муданге растет какая-нибудь трава, облегчающая ПМС? Я тоже такую хочу!

— Оставь детей в покое, — говорит Азамат Алтонгирелу. На всеобщем, заметьте, вежливый ты мой.

В этот момент со стороны гостиной раздается жуткий грохот и визг. Успеваю заметить, как Алтонгирел, осмелев, иронично поднимает бровь. Мчусь на шум.

Ну конечно, они уронили диван! К счастью, вроде бы ни-

кто не пострадал. Врываюсь в гущу, начинаю отчитывать подопечных, вдруг все стихает.

Оборачиваюсь — в дверях стоит Азамат во всей красе: два метра с гаком, в черной блестящей псевдокоже, шрамы на пол-лица. Хмурится, обводя взглядом наше собрание. Дети, как бандарлоги, пялятся на него, затаив дыхание. Похоже, вчера слишком перепугались, чтобы заметить.

— Будьте поосторожнее, пожалуйста, — произносит капитан своим спокойным, раскатистым голосом.

— Да, сэр, — говорит кто-то из старших мальчиков и внезапно запускает цепную реакцию:

— Да, сэр! Да, сэр! — нестройным хором отзываются остальные.

— Вам лучше разойтись по каютам и заняться тихими играми, — продолжает Азамат благосклонно-отеческим тоном.

— Да, сэр, — на этот раз звучит почти в унисон.

Встают. И расходятся!

Впрочем, я и сама с трудом удерживаюсь, чтобы не разойтись вместе с ними. Вот это я понимаю у человека сила убеждения! Впрочем, увязавшийся за нами следом Алтонгирел смотрит так, как будто мы все с ума посходили.

Когда последние детские шаги стихают в коридорах, наш зазнайка все-таки не удерживается:

— Ну ничего себе! Землянку они не слушают, меня они не слушают, а тебя — пожалуйста!

Азамат, кажется, и сам слегка озадачен. Пожимает плечами. Теперь уже я смотрю на них как на чокнутых.

— А что вас удивляет? — спрашиваю. — Он капитан. Высокий, э-э-э, внушительный. Конечно, его слушаются!

И тут этот потрясающий человек, в смысле Алтонгирел, видимо, решает, что ему жизнь не мила в этом несправедливом мире, потому что говорит:

— Но он же урод!

Я замираю вследствие полного отключения мозга. Господи, что сейчас будет? И как мне реагировать? Возмущаться? Прятаться?

Очень осторожно перевожу взгляд на Азамата. Тот задумчиво смотрит в сторону.

— Возможно, — медленно произносит он, — у землян другие приоритеты.

— Ка-анечно! — фыркает Алтонгирел, а потом кивает на меня.

Ой нет, нет, пожалуйста, только не это, не спрашивай меня...

— Вот скажи, по-твоему, он что, не урод?

Все-таки спросил, зараза. И что мне делать?!

Внезапно очень ясно осознаю, что, будь я Парисом, яблоко бы досталось Афине, потому что у нее ружье. Ну то есть, копье. Неважно. Так, девочка, соберись. Тут надо отстраниться и ничего не отвечать.

— Боюсь, что не понимаю вашего юмора, — говорю с как можно более тупым выражением лица.

— Да нет, я серьезно! — продолжает этот мучитель.

— Серьезно не понимаю, — говорю в ответ и порываюсь сделать ноги.

К сожалению, он стоит как раз между мной и дверью. Хватает меня за локоть, зараза такая.

— А ну-ка отпусти, — быстро и мрачно командует Азамат.

Отпускает, извиняется.

Меня уговаривать не надо, лечу по коридору, словно взрывной волной отбросило.

Сажу за решеткой в темнице сырой. Ну ладно, сухой, то бишь в своей каюте. И решетку я тоже сама себе организовала — заперлась изнутри. Теперь бы пульт от двери не потерять, а то на ней самой, кажется, никаких кнопок нет.

Каюта у меня очень приятная: небольшая, но все на месте. Кровать человеческая, а не эти гравитационные гамаки, которые на наших малых кораблях ставят на случай разгравитации. Столик для бука (нет-, комм-, джой — и какие они там еще бывают...) с выдвигаемым креслом, сверху полочки, прямо нормальное рабочее место. Интересно, мударанцы тоже играют в наши сетевые РПГ-шки? И что они на этих полочках держат? Народную музыку в красивых коробочках? Летописи в электронном формате?

В другой стене встроенные шкафчики и — о чудо! —

дверь в личный санузел. На земных кораблях эту роскошь себе позволяют только капитан да пара заместителей, ну или уж если у кого частный звездолет. Вот это я понимаю, люди ценят личное пространство. Да и вообще, они же тут, наверное, месяцами живут безвылазно. Без комфорта никак.

Жаль, у меня ни нетбука, ни зубной щетки нет. Хотя погодите-ка, вот же в мешке одноразовые щетки. Ладно, одной проблемой меньше. Теперь бы еще маме позвонить, а то же волнуется, наверное. Интересно, насколько хорошо наши скрывают взорванный корабль? Не узнать-то не могли. И ведь главное, скорее всего, про взрыв уже вся планета знает, а вот что кто-то спасся — только председатель Земного союза. Сволочи. Могу себе представить, что там мама... и брат... ох, нет, лучше не представлять. Пойти, что ли, попросить кого-нибудь письмо отправить? Так там Алтонгирел. Вот зараза, из-за него... ну нет, я ему не позволю портить кровь моей родне. Вот сейчас же выйду и выклянчу связь.

Выхожу. Никого. Сую нос в гостиную. Никого. На кухню. О! Капитан! Вот и прекрасно.

— Здравствуйте, — улыбаюсь по возможности очаровательно.

— Сегодня уже здоровались, — говорит он, но не вздорно. Видимо, опять чертовы культурные различия.

Подхожу, сажусь напротив.

— Я хотела спросить... — начинаю говорить и вижу, что ему опять становится смешно. Да чтоб тебя! — Ладно, хорошо, я спрашиваю. У меня дома все, скорее всего, считают, что я погибла. Можно мне как-нибудь им... письмо хотя бы отправить?

Смотрит на меня, как на попугая, который учится говорить.

— Вы, наверное, никогда раньше не общались ни с кем с Муданга?

— Наверное, нет.

— Вы не уверены?

— Ну мало ли... Вы не так уж отличаетесь от некоторых земных народов... — В голове всплывает светлый образ сетевых игр. — А в Сети обычно и лица не увидишь.

— Насчет Сети — это верно. Но я думал, что земляне все, как вы.

— Да нет, что вы. Такие бледные, как я, вообще вымирающий вид. А так, мы самые разные бываем. Разве что ростом в среднем пониже... — добавляю, очередной раз прикидывая, сколько же в нашем капитане этого самого роста. Вот и кровать у меня в каюте, кстати, все два с половиной в длину. И стол мне высоковат...

Он немного смущается и утыкается в свой бук, который стоит тут же на столе сбоку, а я и не заметила. Поцелкал там чего-то, поворачивает ко мне.

— Пишите, звоните, делайте что хотите.

Ой, я думала, он меня к кому-нибудь из подчиненных с этим пошлет... Все-таки странная у них субординация.

* * *

Привет, мам.

У нас тут небольшая нестыковочка вышла, но у меня все ок. Похоже, буду дома раньше, чем собиралась. Новости не смотри, если посмотрела — забудь, там пургу гонят, чтобы деньги отмыть, как обычно.

Со связью у меня сейчас не очень, так что не удивляйся, если долго не буду писать.

Брату привет, погладь кота.

* * *

— Спасибо, — говорю, закрывая почту и поворачивая бук обратно к владельцу.

Он, пока я писала, встал и занялся чем-то в собственно кухонном углу столовой. Смотрю — несет вчерашний пластиковый кувшин с пиалами.

— Не откажетесь?

Отказаться-то я не откажусь, но что-то мне это нравится все меньше и меньше. Нет, ну серьезно, с какой стати он меня обслуживает? То есть статья-то довольно очевидная, но удивительно, что он считает это нужным. Мог бы и просто потребовать. Я же ни отбиться, ни убежать не могу... Если только ему доставляет удовольствие сам процесс?

— С-спасибо. А можно узнать, что это? — Вот только попробуй мне сказать «узнайте»!

Он произносит какое-то страшное раскатистое слово, я пугаюсь, капитан улыбается.

— Извините, не знаю названия на всеобщем.

Лезет в бук, что-то там находит, поворачивает ко мне. Там файл — батюшки-светы, справочник по лекарственным растениям, на мударжском языке! Электронное издание... кто бы мог подумать. На меня смотрит картинка: мелкая травка с колючими листочками, цветы-звездочки. Как есть могильник!

— А, — говорю, — Пеганум. Хармала.

— Да, да, — говорит он. — Гармарра.

Ох ты, елки, могла бы и узнать.

— Я думала, ее курят.

— Только когда очень весело. — Он так улыбается, что хоть сейчас косячок подавай. — Но у нас правило, в космосе — не пьем и не курим. А если ее заварить, получается просто приятный напиток. Успокаивает, улучшает настроение.

Ах вот чего я так спала вчера хорошо.

— Спасибо... что вчера угостили.

Смотрит на меня опять как-то странно. Сколько я его благодарю, еще ни разу «пожалуйста» не сказал. Это у них тоже не принято? Сейчас будет тебе той же монетой:

— Вы, наверное, нечасто с землянами общаетесь? — спрашиваю невинно.

— Так близко — впервые. — Ни капли не смутился. — Переговоры ведем, конечно. Но это очень интересный опыт.

М-да, взаимно.

— Ну так вы будете? — кивает на пиалу.

— Боюсь заснуть...

— Ах да, я не подумал... вам нужно, наверное, пожиже развести...

Да елкин дрын! Кто из нас тут капитан космических пиратов, а кто запуганная девица?! И ведь не скажешь ничего, еще не так поймет — и мне кранты.

— Да вы не беспокойтесь, я как-нибудь... и так... Я ведь только зашла насчет письма, неудобно вас отвлекать... — мямлю в лучших традициях визита в бухгалтерию.

Качает головой, глядя сквозь меня куда-то вдаль. Глаза у него — узкие длинные щелочки, а веки такие огромные... вокруг правого глаза все обожжено, удивительно, как сам глаз не задело. Интересно, сколько ему лет? У левого глаза сбоку морщинки, но седых волос совсем нет. Хотя кто их знает, когда они там седеют, эти инопланетяне. Зубы на вид все свои, а если у них зубные врачи такие же, как тот, который ему ожоги залечивал, то очень много лет капитану быть не может. Шрамы на шее тоже есть, а дальше высокий воротник. С учетом того, на что похожи ладони, и под одеждой ничего себе должно быть. Как же это, наверное, было больно — подумать страшно.

— Не переживайте, — вздыхает. — Я с удовольствием трачу на вас время. Люблю узнавать новое. Лучше расскажите, что вы обычно пьете.

— Чай... — пожимаю плечами. — Ну это если безалкогольное.

— Чай... — повторяет. — Но еще рано, его вечером... или вы днем?

— Да хоть круглые сутки, — хихикаю.

— Легко. — Опять я его с места согнала, пошел, похоже, чай добывать. Достает немаленький холщовый мешок. — Вот, — говорит, — заваривайте.

Ну, заварочного чайника, конечно, не нашлось. Хорошо хоть кружку какую-то отыскала с ситечком сверху. Листья они сушат, похоже, целиком. И никаких добавок. Получилась жидкость почти шоколадного цвета, разве что прозрачная слегка... но на вкус нормально. Беру пиалу побольше — чашек-то тут совсем нет, иду к столу. Капитан там уже опять в буке ковыряется. Смотрит на меня, как на дрессированную собачку.

— Вам посуда подходит?

— Ну я бы предпочла, чтобы она была с ручкой, а так вполне.

И тут он принимается хохотать. Да как! Громко, гулко, просто автоматная очередь. Голову запрокинул — господи! А на шее-то шрамы... как он только выжил?!

Развеселить Азамата оказалось не лучшей идеей — на

этот грохот, который у него канает за смех, является Алтонгирел. Я стараюсь слиться со стулом, естественно, тщетно.

— Развлекаешься? — интересуется Алтоша как-то нехорошо.

Азамат вытирает ладонью левый глаз. Ой, как мне хочется отсюда уйти немедленно и не вникать в их разборки...

— Тебя что-то не устраивает? — спрашивает капитан все еще весело.

— Да так, знаешь, боюсь, как бы ты потом не разочаровался слишком жестоко, — цедит Алтонгирел.

Когда Азамат сидит, Алтоша выглядит почти представительно. Оборачивается ко мне, опираясь на спинку моего стула:

— А вам еще не скучно, *юная леди*?

Что он хочет подчеркнуть? Что юная? Или что леди? Нет, тут явно какие-то свои интриги, которых я не понимаю и понимать не хочу. Выгибаю спину, чтобы быть от него подалее.

— Напротив. Мы вели чрезвычайно познавательную беседу о напитках.

— Уверен, вы получили от этого массу удовольствия, — шипит практически мне в ухо.

Отклоняюсь в сторону так, что это уже неприлично. Ну почему Азамат ничего не сделает?!

— Совершенно верно, — огрызаюсь.

— И почему я вам не верю?

Он уже меня почти касается. Приходится все-таки встать и обойти стол.

— Понятия не имею.

Сейчас ведь расплещет мой чай, урод.

К счастью, он переключается на Азамата — и заодно на муданжский:

— *Очень тебе советую это прекратить.*

Капитан, изменив своей вежливости, тоже переходит на родной язык:

— *Я не уверен, что это входит в сферу твоей компетенции.*

Хорошо, что у них тоже много умных слов заимствовано из всеобщего, а то хрен бы я что поняла.

— Зато я уверен. Над тобой мало смеются? Хочешь брызнуть бензином в костер?

А, ну да, поняла. Еще бы знать, о чем он...

— Я думаю, что больше уже некуда.

— Тебе рано себя хоронить.

— И поэтому ты считаешь, что мне надо сидеть под замком.

Да о чем они?! Или я не хочу этого знать...

— Азамат, я тебя предупредил, что будет больно.

— Мне не привыкать.

На этой оптимистической ноте Алтонгирел вздыхает и выходит из кухни строевым шагом, шарахнув дверью.

Я вздрагиваю, вжимаю голову в плечи и зажмуриваюсь.

— Простите, — говорит Азамат.

Да уж, правильно извиняешься. Только почему ты его сразу не выставил?

— Я думала, он ваш подчиненный, — не выдерживаю.

— Не совсем, — откидывается на спинку стула, вздыхает. — У нас с ним некоторое разделение ролей. У меня, как бы это сказать... светская власть, а у него духовная.

Тарашусь.

Вот уж такого — на звездолете! — я точно не ожидала.

— Знаю, что это странно, — ухмыляется он. — Но у нас так заведено. Наемники иногда годами не бывают на планете, а со Старейшинами по нетбуку не поговоришь — нарушится таинство поучения. С другой стороны, у некоторых старейшин есть ученики, которые после пятнадцати лет послушничества обязаны провести хотя бы десять лет в удалении от наставника, научиться принимать собственные решения. Вот они-то и летают с наемниками. Алтонгирел здесь уже пять лет, но я его знаю с детства.

— А, э-э... вы не ладите?

— Обычно ладим, просто он несколько... близко к сердцу принимает некоторые вещи.

Ага. И называет тебя уродом.

— Но вообще-то он хороший друг, — заключает наш удивительный капитан.

Пора мне делать ноги из этого дурдома.

Извиняюсь, забираю свой подостывший чай, иду к себе.

Где мое вязанье... Там как раз самое время начинать узорчик вывязывать, для этого какая-никакая, а концентрация нужна, хоть голову займу, чтобы не ломать ее о подслушанные реплики на неблагозвучном мударжском... Может, я на самом деле все совсем неправильно поняла. Ведь до этой истории даже никогда живого мударжца не слышала, только нашего препода...

...Пиала вылетает из рук и *разбивается о стену*, хоть и пластиковая. О н-нет, как я могла его не заметить?!!

Мощная рука Алтонгирела впечатывает меня в стенку, глаза его сверкают, из ноздрей дым валит, рожа красная, клыки торчат... не знаю, что уж там правда, а что мне с перепугу мерещится...

— Держись подальше от Азамата! — рычит он так, что я еле разбираю слова.

Его пальцы сжимают мое плечо в опасной близости от горла, да с такой силой, что вот-вот ключица хрустнет. А кроме меня самой, тут врача нету... как же так, духовник есть, а врача нету...

— Слышишь?! — шарахает он меня затылком об стену.

Хорошо, что я не пластиковая.

Слышать-то слышу, но в ушах шумит, в глазах рябит, в горле вантуз застрял... Пытаюсь кивнуть, но он не понимает. Навис надо мной, маленькой, как вопросительный знак, вот-вот точкой под дых заедет. В панике толкаю его в грудь, но с тем же успехом можно было попытаться пройти сквозь стену: он сильнее меня раз в двести, наверное.

— Я тебе побрыкаюсь.

Он заносит руку... начинаю визжать. Не длинно, как заклинивший дверной звонок, а короткими пронзительными взвизгами, точка-тире, хотя все больше точка-точка-точка...

ГЛАВА 3

Что-то происходит, и мне позволяется упасть на пол. Пожалуй, я за эти дни превысила месячную квоту по падениям. Так, дышим глубоко. Не хватало мне еще в ответственный момент панического приступа. Кажется, меня уже ни-

кто не убивает. Еще пара глубоких вдохов, и можно попробовать воспринять окружающий мир.

Мир тих, хотя в ушах по-прежнему шумит. Поднимаю голову — и вижу длинную косу. Капитан здесь. Странно, только что ведь был на кухне. Хочется дернуть за косичку, но пока могу сдержаться. Хорошо, что не стала пить могильник. Сажусь на колени. Затылок саднит, щупаю — череп цел, а это главное. Бедная моя голова, что ни день, то шишка.

Капитан поворачивается ко мне, через его плечо я вижу Алтонгирела, белого как полотно. Огромные черные глаза на меня таращит, руки не знает куда деть. Наконец-то гул в моих ушах стихает, и я начинаю осознавать, что случилось. Похоже, орала я громко, на совесть, и моя глотка теперь очень мной недовольна. Азамат приседает около меня, смотрит с тревогой. Ты еще пальцем потыкай. Живая я, живая...

— Вы как?

Очень не хочется говорить. Руки дрожат. Ноги, наверное, тоже. Осторожно киваю, тру лицо, как будто только что проснулась. Понервничай-понервничай. В следующий раз надаешь физдюлей своему духovníку до того, как он сделает из меня отбивную. Внезапно очень хочется к маме. А еще лучше — к Кириллу, но его больше нет, и никто меня сильными руками не обнимет и щетиной не пощекочет. Стой-стой-стой! Я не хочу сейчас плакать! Они и так уже достаточно насмотрелись, какая я слабая и беззащитная. Капитан того и гляди примется меня по голове гладить. Достаточно ли я несчастна, чтобы этого хотеть? Пожалуй, нет. Тем более что у него из внутреннего кармана расстегнутой куртки торчит что-то огнестрельное, а я боюсь вооруженных мужиков.

— Встать можете? — спрашивает он.

— Щас попробую, — говорю ожидая, что он мне руку предложит.

Не предлагает, гад. Ладно, может, растерялся. Хочу опереться на его предплечье, но он вдруг отстраняется. Пока пытаюсь врубиться, капитан поворачивается к Алтонгирелу:

— Иди помоги.

— Нет!!! — очень быстро выкрикиваю я. Бедная моя глот-

ка, у твоей хозяйки реакция намного опережает разумную мысль.

Духовник застывает, занеся ногу для шага, неуверенно смотрит на Азамата.

— Не волнуйтесь, — говорит мне этот потрясающий человек. — Он не причинит вам вреда, я обещаю.

Тебя при рождении сколько раз головой уронили? Ой, не надо о голове...

— Уберите его от меня, — говорю тихо и хрипло, но, как мне кажется, убедительно. Пытаюсь подвинуться так, чтобы капитан оказался ровно между мной и этим чудищем поганым.

— Лиза, не психуйте, — строго говорит Азамат. — Кто-то же должен помочь вам дойти до каюты. Алтонгирел, давай уже, иди сюда, не тяни время.

Поняв, что помощи мне ждать неоткуда, беру свое спасение в свои руки. В роли спасения предстает та самая пушка из кармана Азамата.

— Еще шаг, и останешься без печени! — хриплю как можно более грозно. Стрелять нас учили, у меня даже неплохо получалось. С такого расстояния если не печень, то какой-нибудь важный орган задену. Руки, правда, дрожат...

Мужики ахают и отступают. Азамата я совсем не понимаю, он же сбоку сидел, мог прекрасно отобрать у меня свою пушку, держу пари на что угодно, что у него реакция лучше, чем у меня.

— Лиза, послушайте, — начинает урезонивать капитан. — Давайте не будем все усложнять. Алтонгирел не собирался причинять вам боль.

— Ага, только придушить и об стенку постучать! — От адреналина язык заплетается, не знаю, насколько они вообще понимают, что я говорю. Где мой полированный университетский выговор...

— Я только припугнуть тебя хотел! — обретает наконец голос Алтонгирел.

— Тебе удалось! — ору так, что в страшном сне не приснится.

— Я не знал, что земляне такие хрупкие!

— Заткнись, урод! Вали отсюда и не прикасайся ко мне никогда!!!

Надеюсь, он не замечает, что у меня предохранитель не снят, потому что пальцы совсем не слушаются... судя по тому, как у него лицо идет пятнами, ему не до предохранителя.

— Прикормил стерву, теперь сам с ней и разбирайся! — выкрикивает он капитану и стремительно уносится прочь.

Мои руки сами собой опускаются, меня бьет крупная дрожь.

Капитан снова присаживается около меня.

— Отдайте мне пистолет, Лиза, он все равно не заряжен.

Кошусь на него недоверчиво. Поворачиваю пушку кверху пузом — и правда, индикатор заряда даже не светится. Тыфу ты. Кладу бесполезный предмет на пол рядом, капитан сует его обратно в куртку.

— Чего ж сразу не отобрали? — бормочу, прислонившись виском к холодной стене. Представляю, какое у меня будет несварение желудка после всего этого стресса.

— Алтонгирел мне нужен, а он обидчив. Я предпочитаю не наказывать его самостоятельно. Тем более что от вас ему обиднее слушать оскорбления, чем от меня.

Не знаю, чем я его там оскорбила... лишь бы не приближался.

— Помогите мне встать, — говорю устало.

Обойдется без реверансов после такой нервотрепки. Капитан еще чего-то колеблется. Что, думаешь, укушу?

Подставляет руку, но не ладонь. Цепляюсь за что есть, встаю, повисаю. Ноги дрожат так, что, по-моему, вибрация переходит на стены. До него наконец-то доходит, что меня надо придержать. Не знают они, дескать, что земляне такие хрупкие. *Каз-злы*.

Азамат практически доносит меня до каюты, вид у него такой виноватый, что мне даже становится его жалко. Как он ухитряется быть хорошим капитаном, если так неуверен в себе?

Сворачиваюсь клубочком на диване. Кто бы знал, как мне надоела эта короткая юбка. Только и следи, чтобы выглядеть прилично. Хорошо хоть туфли на мне удобные

были во время нападения, танкетки, не каблуки. Но на кроссовки готова хоть прямо сейчас поменять. А так приходится их снять, чтобы дать ногам отдохнуть. Капитан уходит, еще раз извинившись, и дверь за ним защелкивается.

Я довольно быстро перестаю изображать из себя несчастную жертву обстоятельств. Все-таки обошлось без травм, так, синяк на ключице да шишка на затылке. Вот напугалась я конкретно. С этим и надо бороться.

Встаю, раскапываю свой мешок: тэк-с, этого внутрь от нервов, этого в нос для соображаловки, а этим шишку помазать. Красота. Какая же я все-таки умная! Про удачливость в данной ситуации, пожалуй, промолчу.

Стук в дверь. Кого это принесло? Добывать пришел? Спрашивать бессмысленно, закрытая каюта на звездолете всегда звуконепроницаема. Осматриваю пульт, кнопки подписаны по-муданжски. Ладно, в случае чего скажу, нажимала наугад. Будем надеяться, «окно» — это то, что мне нужно.

И правда, дверь становится прозрачной. Не исчезает совсем, к счастью, а то бы меня точно кондратий хватил, а так — мутненько, но видно. Там капитан. Стоит, переминается, в руках что-то держит, не разберу. Один вроде. Ладно, не могу же я капитана не пустить... у него, наверное, все равно пульт от всех дверей есть. Открываю.

— Простите за вторжение, — начинает он. Поклонись еще поясно. — Подумал, может быть, поможет успокоиться.

Ставит на стол пиалу с дымящимся чаем. Скажите, что мне этот бред снится, а? Потому что иначе я пошла искать чемпионат по неадекватному поведению, я знаю, кто его выигрывает.

Нет, правда же на сон похоже? Особенно такой... в измененном состоянии сознания... Вот и повторяющийся мотив, и всем, кроме меня, происходящее кажется естественным. Но самое ужасное, что я не могу просто проигнорировать Азамата, как надоедливого ухажера в чате. Приходится реагировать.

— Ой, да не надо было, — всплескиваю руками, хоть и с задержкой. — Мне прямо неловко, прислали бы кого-нибудь на худой конец...